

ШИПОВНИК

Рассказ

По крутой дорожке, мимо скамеек летнего театра, поднимался секретарь райкома Токарев. Он шёл осторожно, заметно стараясь, чтобы песок не скрипел под подошвами. Токарев опоздал к началу концерта. Все сидевшие на скамьях узнали его. Энергичными жестами директор стал приглашать его в первый ряд, очень решительно подвинулся в сторону главбух, но Токарев только помахал издали рукой и продолжал подниматься по дорожке вверх. Ему, видно, хотелось полюбоваться новым театром совхоза «Балтиец» с самой высокой точки. Он выбрал заднюю скамью; садясь, почувствовал резкий смолистый запах свежеструганных досок.

Рядом с ним оказались тракторист-комбайнер Терентий Никанорович Нефёдов и его жена. Токарев с удовольствием пожал их руки. Огляделся, узнал почти всех, а когда бросил взгляд вдоль своей скамьи, увидел в самом её конце комсомолку Олю Леваду, бригадира садоводов. «И чего она забралась так высоко?» — подумал Токарев, но тут же спохватился, что сам тоже облюбовал «галёрку», и продолжал рассматривать этот редкостный амфитеатр.

Он видел всю овальную чашу, выдолбленную в глинистом скате холма. Выемка была замкнута с севера просторным деревянным помостом, с боков которого оставались проходы. На эстраде широкой дугой расставлены стулья, на них сидят парни, девушки, несколько подростков и один старик с седой бородкой. У всех в руках балалайки, гитары и мандолины, а старик играет на самом большом инструменте — домре. Сбоку стоит рояль, по клавишам легко бегают пальцы молодой женщины. Дирижирует ветеринарный фельдшер второй фермы Егор Шуляк.

Уверенно звучат заключительные такты «Русской рапсодии» Андреева. Токарев любил музыку, знал в ней толк и не раз имел возможность это доказать. Совсем недавно заканчивалась постройка районного Дома культуры. Это по предложению Токарева прораб, отступив от стандартного проекта, закруглил углы зрительного зала, и акустика получилась великолепная. Когда в этом совхозном летнем театре короткое эхо врывалось, фальшивя, между двумя нотами, Токарев морщился и думал: «Надо посоветовать озеленить глинистые срезы».

Токарев слушал музыку с удовольствием. Как рукой сняло усталость от езды в тряске «газике». Да и кто из сидевших здесь не расстался на часок-другой с заботами, кто не позабыл о хлопотливых буднях? Токареву думалось: «Вот сидят-посиживают на сосновых скамьях жители совхоза, празднично одетые, слушают музыку и, конечно, не перестают удивляться всему, что видят, хотя всё это дело их же рук,— ведь ещё в феврале здесь был просто-напросто заметённый снегом котлован старой каменоломни!»

Сегодня старого карьера не узнать. Правда, с боков желтеют всё те же глинистые обрывы, по их краю пышно зеленеют кусты шиповника, но внутри большой чаши круглятся ряды скамеек. Дно выравнено, расчищено, посыпано бурунным песочком. Особенно удалась строителям эстрада. Да она ничуть не меньше и не хуже, чем в концертном зале имени Чайковского!.. Простое, казалось бы, дело: кто-то догадался, что старую выемку в холме можно так приспособить. Гуртом потрудились. Получился «зелёный театр». Экие молодцы!

— Перерыв на десять минут! — объявила Зинаида Егоровна Тульчина, учительница музыки, художественный руководитель кружка и несменяемый аккомпаниатор. Она стояла, положив руку на крышку рояля, прямая и строгая. Пучок яркокрасных тюльпанов трепетал возле выреза её чёрного платья.

Сразу же зашумели голоса, со скамей поднялись сотни людей, раскрасневшихся, довольных. Встал со своего места и Токарев. Снизу ему что-то кричал директор, но Токарев подошёл к Оле Леваде. Он заметил, что девушка всё время волнуется. Пока оркестр играл гладко, она сидела немного сгорбившись, крепко стиснув руки на коленях. А когда в одном месте фальшиво взвизгнула мандолина, Оля рванулась с места, будто хотела побежать туда, вниз, что-то спасти, кому-то помочь. Когда же снова стройно и звучно полилась мелодия, Оля посмотрела на Токарева и улыбнулась. Ему захотелось поговорить с ней.

— Здравствуйте, Оля! Я и не думал, что вы такая болельщица,— сказал он, подходя к девушке.

— Да, Павел Иванович, это же наш первый концерт! Я вообще боялась, что ничего не получится. А тут ещё Петька-мандолинист! у, чертёнок! Чуть не испортил всего концерта. Вечно что-нибудь выкинет. Вот недавно сеяли мы в ящиках помидоры, так он стащил горсть семян. Понимаете, семена-то отборные, рассаду в парниках на весь совхоз выращиваем. И что ж бы вы думали, проросли семена и в палисаднике перед конторой повтыкал в землю! Никто этого не видел. А когда зазеленели листочки, весь совхоз прочёл: «Оля Левада»...

— Экий он дотошный, этот Петька. А чего же волноваться?

— Эх, Павел Иванович, сколько раз ругала себя: не разбрасывайся! Весна дружная, дел столько — не провернёшь. За четыре дня надо было на ста гектарах новый яблоневый сад заложить! Выход, правда, нашёлся — освоили ямкокопатель, тракторный. Вам понятно, что это значит?.. И в такое время из головы театр нейдёт!.. Архитектурой увлеклась...

— Милая вы девушка, со всем ведь управились! И новые сады ваши я только что видел. На славу! И старые хороши. Чистые. Ладно у вас, садоводов, дела идут. А вы волнуетесь... Эх, что-то не то, не то, Олюша!

— Да, с делами управились... А трудов каких стало это? Посмотрите на наших девчат: хоть прямо в Кисловодск отправляй в нарзанных ваннах купаться. Ведь прополка-то какая? Осот лезет!

— Ничего, Оля! Придёт время и на курорт поедете. Ты говоришь, девчата устали. А мне сдаётся, что они в завидном порядке. Ишь румяные... Что это они, кажется, Никиту обижают?

— Его обидишь! Сейчас петь будет. Бон уж голос пробует.

— А всё же, Оля, почему у тебя глаза беспокойны? Театр построили, можно сказать, своими руками, шутка ли! В том, насколько знаю, и твоя большая доля. Жилые дома, кирпичные, с верандами, у вас на целый квартал поднимаются. Инженера вон какого заручили! Этот ваш Костя Шубин — строитель хоть куда...

— Нравится? Вам Шубин нравится?..— Оля недоверчиво посмотрела на Токарева.— А чего мне стоило... Сколько слёз... Вы и не знаете, какой он упрямый... Ну, как верблюд!.. Гляньте, сидит в первом ряду и не повернётся. Все встали, прогуливаются, а он без усталости с учительницей Днепровой разговаривает...

— Тэ-тэ-тэ! Так прямо и верблюд!.. Расскажите же, Оля, как вы надоумили этого упрямого москвича такой летний театр построить? Ведь это вы инициатор, правильно мне говорили?.. Правда, не учтено эхо... Нет, эхо — сущий пустяк! Дело поправимое. Какие-нибудь вьющиеся штучки пустить по откосу — плющ, хмель, виноград... То дело ваших рук, товарищи садоводы. И стена перестанет резонировать... Признаться, ещё ни от кого толком не слышал, как всё это у вас началось. А знать мне надо. Просто стыдно секретарю райкома не знать.

— Я бы хоть сию минуту рассказала, Павел Иванович, да наш знатный кровельщик, выдающийся баритон Никита Легкоступ уже на эстраду поднимается. Сейчас начнётся второе отделение.

— А мы вот там, по краю карьера погуляем. С голосом Никиты я хорошо знаком. Да и услышим всё.

— Что ж, пойдёмте...

Они поднялись ещё выше, на самый край выемки. Оля шла впереди. Маленькие сильные ноги в тонких чулках и коричневых туфельках уверенно, как по мраморной лестнице, несли по крутому подъёму тропинки стройную фигурку девушки. Оля нет-нет, да оглянется на Токарева — не устал ли этот сидящий человек? Чаша амфитеатра отодвинулась, опустилась. Тихо доносились до них баритон кровельщика и звуки рояля.

Оля остановилась возле большого куста. Длинные колючие ветки шиповника образовали шатёр. Куст был усеян крупными бутонами. На немногих из них (видно, то были особенные любимчики солнца) лопнул мохнатый панцырь и проклюнулись розовые язычки лепестков. Над бутонами вились опьянённые погоней за первыми каплями нектара пчёлы. Девушка теребила нежный полураспустившийся бутон, словно стараясь, как это делают дети, ускорить расцвет дикой розы. В её чёрных глазах не блеснул обычный задор, в нервных движениях пальцев чувствовалась какая-то неуверенность.

— Вам надоест слушать, Павел Иванович... Нет? Ну давайте сядем вот на этом бугорке.

Оля уселась первая, аккуратно обдёрнув юбку, спиной к театру, лицом к вершине холма.

— Павел Иванович, тогда, перед Новым годом, вы у нас были на открытом партийном собрании. Если помните, мы обсуждали план строительства. Выступил Шубин. Он только что приехал из министерства. Мы с подругами сразу же решили, что парень больно заносчив. Никаких возражений и слышать не хочет. Всё мол, хорошо, всё ладно, раз проект реконструкции центральной усадьбы «в нашей» московской архитектурной мастерской разработан. Говорит — нос кверху, рукой причёску поправляет. А я возьми да и раскритикуй планировку парка. Не на том месте вычертили его там, в московской мастерской! Зачем выносить парк куда-то на далёкий посёлок, на ровное поле? Там пусть останутся луга. А вот здесь, вокруг холма, да по его склонам, от центра нашего городка сюда рукой подать, какой расчудесный сад разбить можно! Красивый, видный! Правда, больше придётся потрудиться. Но зато через несколько лет будет совсем как в Кисловодске... Так просто и сказала. И ничем, ровным счётом, ничем его не оскорбила... А что он тогда ответил? Эх, обидно и вспомнить...

— Да, помню, ответил он неважно. Молод, горяч... Но ведь он, Оля, свой архитектурный план защищал. Свои многодневные труды. Ведь и тот проект был составлен в Москве не без основания.

— Ну пусть тогда Костя... Константин Ильич... ещё плохо знал наш совхоз. И совсем не знал запросов, вкусов его населения. А на другой день что было?.. Он чертил в фойе клуба свои проекции и разрезы. Спешил, видно. Всю комнату завалил бумагой. Ему, ну прямо, мешала работать эта Зоя Днепров! И сейчас, видели, совсем его заговорила... Я пришла... опять потолковать о парке, стадионе, летнем театре. Думала, спокойно, разумно всё получится у нас. Не тут-то было! Шубин раскричался: «Вы мне определённо мешаете! Вы ничего не понимаете! Кто вы? Садовод-виноградарь? Да? А я архитектор. Ну и до свиданья!» Чуть-чуть не выгнал...

Что я ему наговорила — не помню. Только вот никогда не забуду, как Зоя, комсомолка ведь тоже!.. расхохоталась во весь рот. А я хлопнула дверью, платка даже не накинула на голову и, как была, в пальто нараспашку, побежала почему-то вот сюда. Даже не вспомнила, что собиралась на встречу Нового года, что на ногах лаковые лодочки. Не заметила, как очутилась вот на этом самом месте, возле этого куста шиповника. Он стоит белый от инея, а я горю, как в печке...

Скоро остыла, конечно. Успокоилась... Посмотрела вокруг. Да как же я хорошо знаю эту каменоломню! Ещё девчонкой малюсенькой коз здесь пасла. Вот взгляните! — Оля схватила Токарева за рукав.— Там настоящая лошадиная голова, видите? А вон

подальше старик, Дед Мороз, с длинной-предлинной бородой. Простые ведь глиняные выступы, а словно скульптор над ними потрудился. Про эти фигуры я подругам целые сказки рассказывала. А в ту минуту посмотрела, и ничего подобного, никаких стариков и лошадиных голов. Совсем наоборот... Знаете, как в книжках пишут, что миражи перед путешественниками встают. Так и я... увидела в котловане ряды скамей, поднимаются те ряды вверх, амфитеатром, словно на московском стадионе «Динамо». И эстрада и колонны померещились. Будто на скамьях тех расселись мои девочки, трактористы, чабаны и дедушка Веселов вон с тем злополучным своим внуком Петькой-мандолинистом. На сцене, представилось мне, драматический кружок разыгрывает пьесу. А вверху до того голубое небо! Совсем такое, как сегодня. И почудилось, зимой, 1 новогоднюю ночь, словно жаворонок в небе поёт...

Я, представьте, засмеялась. Даже закричала: «Архи-тектор!» И эхо повторило то двухэтажное слово... Вот тогда и пришло мне в голову... «решение»! Знаете, с каким фасоном произносит это слово Костя... Константин Ильич... Дня через два, перед занятиями агротехнических курсов, привела я сюда кого смогла — парторга товарища Калугина, он же, вы знаете, у нас прораб, старшего агронома Платона Семёновича, ну и... Шубина. Наши сразу поддержали мою мысль. На этот раз... и он кое-что понял. А как подхватили мои думки все наши садоводы! Ну, а что было дальше, вам известно. Пять воскресников! Вся центральная усадьба выходила, лопат, носилок не хватало. Тогда у нас ещё экскаватора не было. Всю душу люди вкладывали в работу и построили наш театр.

— Здорово! Теперь всё знаю. Спасибо, Оля, за рассказ...

Снова руководительница кружка объявила антракт. Токарев и Оля спустились к эстраде и сразу оказались в шумной толпе. Десятки рук потянулись к Токареву с приветственным пожатием. Подошёл молодой архитектор. Он недавно побывал в райкоме партии и заявил Токареву, что министр разрешил ему оставить московскую мастерскую и работать в совхозе «Балтиец» старшим инженером-строителем... Об этом Токарев почему-то не сказал Оле. Улыбалась секретарю райкома Зоя Днепрова, она стояла возле самой эстрады и оживлённо рассказывала о чём-то зоотехнику Терновому. Токарев знал, что сейчас Днепрова — неугомонная говорунья — подойдёт к нему и засыпет словами. Директор Прозоров спросил, потирая руки:

— Ну, Павел Иванович, расцветают-таки наши совхозные таланты?

— Цветут,.. Вот мы их пригласим выступить в Доме культуры... А театр хорош! Честь и слава инженеру-архитектору.

— Нет, не архитектору... И не инженеру... А вот Ольге Викторовне. Никто не догадался, только она нашла правильное... решение планировки парка,— сказал Шубин.

Крепкий и стройный, в безукоризненно сидящем костюме, Шубин был на голову выше всех, кто стоял рядом. И, может быть, именно поэтому так странно, по-театральному выглядел его неожиданно низкий поклон в сторону Ольги. Лыняные кудри упали ему на лоб, он их отбросил мальчишески наигранным жестом. А девушка, «нашедшая решение», вспыхнула, как маков цвет, и от великого смущения не села, а почти упала на скамью.

— ...Но видите вы только первую очередь, товарищ Токарев! — продолжал, не замечая смятения девушки, архитектор,— Все срезы котлована покроются зеленью... Ольга Викторовна хочет обсадить колонны вьющимися розами. Прекрасная мысль! Вокруг и по склонам холма разбиваем парк. Осенью начнётся посадка. В той вон балочке заблестит большой, глубокий пруд...

— Товарищи, внимание! — раздался звонкий голос художественного руководителя.— Начинаем последнее отделение нашего концерта. Будет исполнена первая часть оратории лауреата Сталинской премии композитора Дмитрия Шостаковича «Песнь о лесах»!

* * *

На исходе безмятежного майского дня вдруг полил дождь. Оля заканчивала в широкой степной балке прополку пятилетнего вишневого сада. Девушки придавали особенное значение сегодняшнему дню. Подумать только, вдвое быстрее, чем положено по норме, бригада управилась с тяжёлой прополкой! К середине лета кроны вишен сомкнутся, и тогда сад своей собственной тенью будет убивать всходы осота и буркуна.

К вечеру и завершить бы мотыжение приствольных кругов. Вот обработали на совесть четыре ряда и в знак счастливого окончания связали две ветки смыкающихся соседок-вишенек яркой сиреневой лентой! Теперь, по старому казачьему обычаю, потанцевать бы вечером возле тех соединённых ветвей — символа вечной дружбы!..

Но с запада быстро поползли тучи. Первые тяжёлые капли дождя никого не испугали. Они упали на листву, приятно освежили головы и плечи полотьщиц, обмыли первоцвет акации и чёрную землю, работа пошла ещё веселее. Но туча опустилась, разлохматилась, и казалось, что завитки её цепляются за скирды прошлогодней соломы. Ударил первый весенний гром, и потоки воды хлынули на притихшие поля. Большой дождь застал девушек врасплох.

Какая тут прополка! Девчата вмиг сняли башмаки и чуваки, упрятали их в сумки и, прикрыв головы кто кофточкой, а кто и лопухом, зашлёпали по лужам в посёлок.

Хоть и недалеко было, но Оля вбежала на свою улицу совсем мокрая. Ситцевое платье прилипло к телу, неприкрытые волосы отяжелели, тянули голову назад. На ноги страшно было смотреть — они были покрыты густым слоем грязи. До дому оставалось несколько шагов, луж Оля давно уже не сторонилась — видела только свои чёрные ноги,— как вдруг кто-то сказал совсем рядом:

— Здравствуйте, Ольга Викторовна!

В блестящем от струек воды клеёнчатом плаще шёл ей навстречу Шубин. Жил он совсем не здесь, уж на такую встречу Ольга вовсе не рассчитывала.

— Здравствуйте... И прощайте...— едва пробормотала девушка и побежала ещё быстрее. Поскорей бы нырнуть вон в ту родную серую калитку! Ох, скорей, скорей! Не оглядываясь, она знала, что Шубин остановился и смотрит ей вслед.

«Надо ж было попасться в таком виде на глаза этому... щёголю, зазнайке... Ну, чего ему надо на нашей улице! Пусть бы встретился в дождь кто угодно, только не он. Неудача за неудачей!» — злые мысли стучались в голову в такт с биением сердца.

«Не оглянусь, нельзя! Вот она калитка, только нажать на щеколду...»

Вздохмаченный Жучок высунулся из своей будки, поскулил и залез обратно. На дверях квартиры висел замок. «Значит, тётя не вернулась ещё, ну, а братишка Федя в школе... Вот и прячься от дождя куда хочешь...»

Оля мгновенно приняла решение: взметая брызги, перебежала лужи, разлившиеся по двору, и по скользким ступенькам приставной лестницы взобралась на сеновал.

Сеном можно было обтереть ноги, но как здесь согреться? Надо сбросить с себя поскорее всё мокрое, а одеться во что? Олю начало знобить. По черепице стуча.¹» не смолкая дождь, словно десятки злых птиц спешили раздолбить железными клювами эту ненадёжную кровлю. Оля досадовала на себя, почему сразу не побежала к Мане, которая жила в соседнем квартале. Что теперь делать?

— Оля, голубка, ты где? — раздался со двора певучий голос. То была Маня. Легка на помине!

— Здесь я, здесь, Манюша, лезь сюда скорее! — обрадованно отозвалась попавшая в беду девушка.

Но Маня Сахно не спешила. Она успела дома переодеться, была в пальто, сверх которого надела лёгонький прозрачный плащик, и вовсе не хотела пачкать свои блестящие, высокие боты-сапожки. Держась за забор, она осторожно обошла лужу и с оглядкой, стараясь не запачкаться о грязные ступеньки, полезла вверх по крутой лестнице.

— Ну как ты там? — спросила она, заглядывая в чердачный лаз.

— Совсем мне плохо, Мань! Сама видишь — намокла, как губка... Брр... Зуб на зуб не попадает...

— Оленька, риднесенка, как же тебе не повезло! Почему сразу не побежала ко мне? Что мы теперь будем делать? — Маня задумалась на миг, даже сморщила курносый нос и губу прикусила.— А, знаю... Живо раздевайся! Долой мокрые тряпки! — Маня начала раздеваться сама и стянула с подруги платье.— Вот так... Всё поделим поровну. Зря, что ли, сегодня веточки лентой завязали?

Смеясь и дурачась, девушки кое-как оделись. Особенно пригодилось Оле пальто, да и ноги согрелись в Марусиных ботах.

А дождь всё шёл...

— Ты не плачь, не горюй, — пропела Маня.— Не вечно же дождю лить. Тучи сгинут, будет ведро.

— Сгинут, Манечка, сгинут. И тётя наконец придёт с фермы, чай будем пить горячий, с прошлогодним вишнёвым вареньем... А пока дай мне совет...

— Совет? Тебе? Командиру садоводов? Строителю зелёных театров? В чём дело? — затеребила подругу Маня.

— Да, мне нужен совет... Не трясина ты меня ради бога! Спасибо, я уже согрелась... Но в толк всё же не возьму... Слушай, Мань, мою сказку и разгадай конец. — Оля зябко поёжилась, но сразу же выпрямилась, улыбнулась.

— Ты, Манюбочка, у нас самая умная, должна всё решить. Ну, слушай... Жила-была девушка. Простая станичная девушка. И ничем похвастаться девушка не могла: за плечами у неё сельская школа, год училась на курсах. Ну, с садом сдружилась, кое-что понимает в этих делах... Внешность? Вечно чёрная от загара, одеться толком не умеет. И уже вовсе не похожа на красавицу Марьяну из «Казачков» Льва Николаевича Толстого, хотя один старый совхозный интеллигент прозвал эту девушку «Марьянкиной внучкой». Чудак, право. И представь себе, эта «Марьянкина внучка» за все свои восемнадцать лет ни о чём таком не думала, не мечтала, что любовью называется. В книжках только читала...

Вот такая она. Когда была в школе, на курсах, да и на комсомольских конференциях, на разных совещаниях в районном, даже в краевом центре тоже ей бывать приходилось, — так вот там она вроде культурная: и каблучки и душистый платочек. Но культура ли это? Может быть, только окулировка? Ты знаешь, как наш шиповник... На нём легко прививается культурная роза. А пройдёт немного времени, и этот куст, коли нет за ним умелого ухода, снова в шиповник превращается. Так и моя станичная девушка — вернётся из города, на два месяца — в степь, на полевые работы закатится — вот и нет на ней культурного налёта. Снова дичок. Так, что ли?

— Ой, не так! то... внешние признаки культуры. Ну, конечно же... А главное, думается мне, у неё в сердце, в голове. Не обижай, Олюша, свою подшефную казачку!

— В сердце, в голове... Да, это так, это правильно... Но слушай мою сказку дальше... Жила без забот девушка. Все думки — о любимом деле, о дорогих подругах. Вдруг откуда ни возьмись перешёл ей дорогу самый что ни есть образованный и красивый такой молодец. Слова у него учёные, вид гордый, независимый, шляпа фетровая.

«Марьянкина внучка» чернявенькая, а у него волосы светлые, что твоя пеньковая кудель...

Постой, я что-то сбилась... Плохая из меня рассказчица... Главное не в том, не в костюмах его, не в шляпе. Много и других... Но слушай дальше. Не успел молодец этот выйти из машины, оглядеться, а ему навстречу красавица одна. Личико беленькое, волосы — золото. Хоть и просто одевается, но так всё пригнано на ней ловко, да стройно, что посмотришь — картинка. Приезжий и та девушка сразу познакомились, друг дружке улыбнулись. Он из Москвы, она из Ленинграда. Об искусстве мыслями перебрасываются

и ловят те мысли налету. И тот и другая умеют поговорить о пейзажах и натюрмортах, выставках и архитектуре. Да, общий у них язык...

Но что же с нашей станичницей чернявенькой происходит? Ты уже догадалась, что ей приглянулся городской парень... А языка с ним общего нет. Сердцем чувствует, что это он, а подхода к нему не знает. Если приходится по делу с ним встретиться, тут же поругаются, друг дружку незаслуженно обидят. Он с характером, она тоже... А та, с золотыми волосами, только улыбнётся, и готов он с ней весь вечер проговорить...

Оля помолчала. Машенька давно притихла, знай, на подругу посматривает, словно мерку с неё снимает.

— Вот и реши, ты, Маня, задачу о трёх молодых людях, что встретились невзначай в одной терской станице.

— А что тут решать? Посоветуй своей чернявенькой так: «Подруга моя милая, коли серьёзно на жизнь смотришь, выброси того столичного парня из головы!» Да и в самом деле, не пара он ей. Что же не по плечу-то дерево рубить.

— Эх ты, Манечка — несмелая душа... Так сразу шиповник наш и забраковала. А ещё садовод! Нет, Маня, не такого я от тебя совета ожидала... Что ж, самой придётся решать задачу. И насчёт внутренней культуры тоже... Да ты что губы надула? Мань, дорогая, разве можно обижаться! И на том спасибо, что выслушала меня, ведь тебе первой рассказываю. Передумано-то сколько! Ну, бросим об этом... Слышишь, тётя Феня замком гремит! Кончилось наше великое сидение. Забирай свои сапожки, ползи первая с лестницы! Живо в хату!

Оля больше ни с кем не разговаривала о Шубине. Да на её взгляд, и не с кем было. Отца она еле помнила — погиб в войну. Мать? Как нуждалась девушка в родном материнском наставлении, но и бедная мама ушла вслед за отцом. Тётя Феня? Та скажет, как Маруся: не по плечу дерево...

«По плечу ли, посмотрим!» — сказала себе Ольга.

...С некоторого времени девушка заметно изменилась. Для тех, кто видел её в начале весны и вот теперь, в середине мая, пожалуй, и неприметны были внешние перемены в её облике: всё тот же нежный и тонкий, чуть-чуть кавказский рисунок лица, всё такой же румянец согревает покрытые ранним загаром щёки. Но всем казалось, что девушка выросла, расправила плечи, все видели, что и большие её глаза, в которых часто блестели искорки почти детского лукавства, тоже повзрослели, куда более серьёзно, оценивающе смотрят на мир.

В совхозе в ту пору не было агронома-интенсивника. Зимой этот пожилой уже человек заболел и уехал надолго в Крым лечиться. Он писал оттуда, что в совхоз вряд ли вернётся. Оле пришлось его заменять. Ответственность с первого дня весны лежала на ней большая, девушка-бригадир работала прилежно. Степные сады «Балтийца» славились не только в районе, но и на весь край дружным ростом и высокой приживаемостью саженцев. Ольга Левада уверенно командовала в своей бригаде, и ей охотно подчинялись и подруги и водитель колёсного трактора комсомолец Вася Пронин. Но до последнего времени Оля не могла отделаться от какой-то скованности, застенчивости. На совещании специалистов она обычно помалкивала, только немногословно отвечала на вопросы, словом, держалась так, как будто всё время себе внушала, что я-де здесь самая младшая, самая маленькая. За неё говорил старший агроном Платон Семёнович Рябинин. А ведь Оля замещала специалиста и могла бы по праву, самостоятельно и с большим весом отстаивать интересы своего зелёного цеха.

На совещании специалистов и управляющих фермами обсуждались вопросы летнего узла работ. Майские дни бежали, как всегда, быстро. Лето только вначале. На полях, в степи, в садах и рощицах ещё господствуют радостные краски весны. Недавно начался сенокос, но люди неспроста говорят уже в полный голос о жатве хлебов, ведь не пройдёт и месяца, как поспеет озимый ячмень. Переплетение летних работ... Нелёгкий это узел! В одни и те же считанные дни коллектив должен управиться с уборкой хлебов и сенокосом,

который из-за майских дождей затягивается до середины лета... Громадное строительство берёт всё больше и больше рабочих рук. На культивацию паров надо будет поставить много тракторов. А тут ещё сады и лесные полосы требуют и летом ухода...

Примерно в такой последовательности излагал старший агроном задачи летнего сезона. А после него, как водится, веско высказались о трудностях инженер-механик и зоотехник. Вдруг в уголке кабинета, из-за большого лакированного ящика радиоприёмника «Восток» поднялась тоненькая, загорелая рука. Директор только что кончил попутное отеческое наставление механизатору, ещё не повернул от него головы и Олиной руки не заметил. Секретарь партбюро Калугин сидел рядом с директором и что-то шепнул ему. Тот повернулся в сторону девушки:

— Товарищ Левада, вы, кажется, хотите что-то спросить?

— Нет, товарищ Прозоров, у меня есть предложение, — ответила, вставая, девушка. Её голос прозвучал непривычно твёрдо, и только побледневшие щёки выдавали волнение.

— Ну что ж, говорите!

— Я коротко... В совхозе уже триста гектаров садов и виноградников, а в агроплане о них говорится только вскользь. До сих пор в летнее время нас, садоводов, обязательно перебрасывали на тока и любые другие работы, снимали с садов и трактор, а вредители и болезни винограда брали верх, молодые посадки зарастали сорняками...— Оля взяла с коричневого ящика несколько листков бумаги и вгляделась в написанное.— Вот я подсчитала, что в этом, ну прямо же, нет никакой надобности! Можно усилить механизацию токов и скирдование сена, да и соломы, и летом больше не понадобится отрывать садоводов и их трактор от работы в садах... Я говорила с плановиком, советовалась с трактористами, много раз проверила свои подсчёты. Вот они...— Оля передала две таблички директору и столько же старшему агроному и опустила глаза, словно школьница на экзамене после трудного ответа.

Первым пробежал таблички Рябинин:

— Эге... Так то... Коли признаться по-честному, Ольга Викторовна подсчитала энергетiku и наличие рабочих рук значительно детальнее, чем это сделали мы с плановиком. Что ж, наши механизаторы должны учесть её замечания. Безусловно есть возможность усилить механизацию на уборке зерновых, а тракторов занять меньше. Смелее агрегатировать машины! Право же, выкраивается для садоводов свобода действий.

Директор что-то сказал, впрочем не очень внятно, но его междометия тоже прозвучали одобрительно. И у Оли словно крылья выросли. Она не шагнула, а будто бы выпорхнула из-за своего ящика.

Густой румянец покрывал её щёки, чёрные глаза блестели. Задорно и очень молодо она выкрикнула:

— А свобода действий для нас — это... это быстрый рост садов! Это выполнение партийного и правительственного задания!

Видели бы вы в ту минуту, с каким одобрением посмотрели на Олю бывалые совхозные работяги. Да и не очень-то бывалый Константин Шубин, чертивший на протяжении всех прений какие-то ему одному видимые воздушные конструкции, вдруг оторвался от своего чертежа, когда заговорила Оля, поднял на неё глаза и сказал довольно громко:

— Дельное выступление! Пусть быстрее растут сады!

Ольга даже не посмотрела в его сторону.

Уверенность в себе — вот что отличало новую Олю. На следующий день она провела совещание в бригаде, и садоводы составили свой собственный чёткий план. Ольга Левада возобновила производственную учёбу садоводов, прерванную, было, по случаю весенней прополки. И в агрокабинете частенько звучал теперь её уверенный голосок. С чисто женской добросовестностью старалась Оля передать подругам все свои знания, всё, чему научили её на курсах и что вычитала сама в книгах, взятых из библиотеки.

Работа в садах не прекращалась. Некоторые из молодых посадок нуждались в помощи человека больше, чем другие, кое-где появились садовые вредители. Были участки молодых виноградников на кучугурах-буграх, которые пришлось полить, а воду можно было подать туда только в бочках. Вася Пронин со своим стареньким «Универсалом» кочевал по всему совхозу. Он изо дня в день культивировал междурядья молодых садов, разбросанных по балкам.

Буланый Олин конёк появлялся во всех концах совхозной степи, рассёдланный, но не привязанный и не стреноженный, пасся он где-нибудь по обочине дороги.

А Оля то работала вместе с девчатами, не чураясь тяжёлого ранца опрыскивателя, то обходила звенья, разбросанные по садам. И её походка заботливой хозяйки сделалась ещё уверенней. После длинного летнего рабочего дня она, как впрочем и её подруги, свеженькая и нарядная, могла танцевать под струнный оркестр до поздней ночи или в голубой спортивной форме общества «урожай» играть в волейбол, а утром встать в четыре, чтобы в пять быть уже в седле.

Павел Иванович Токарев и агроном Рябинин поговаривали о странных отношениях Оли, Шубина и Зои Днепровой. Их интересовал этот «треугольник». Симпатии были на стороне Оли. Раза два видели Олю и Шубина вместе, они оживлённо о чём-то толковали. А медноволосая Зоя появлялась теперь в клубе почти исключительно в обществе неуклюжего с виду, громоздкого, но в высокой степени душевного человека — старшего зоотехника Ивана Кузьмича Тернового.

Что же, и здесь, на втором своём жизненном фронте, Оля имела успех? Этим вопросом жгуче интересовались многие.

Однажды вечером в садике при клубе, куда библиотекаря вынесла читальню, жители совхоза познакомились по радио с новой пьесой. Мане и Шубину комедия не понравилась, Оля доказывала, что комедия хороша, свежа и злободневна.

— Нет, спор мы не разрешим, пока не посмотрим пьесу на сцене,— сказал Шубин.

— Вам это легко сделать. Вы ведь скоро поедете в Москву, Константин Ильич? Я так слышала... По вызову нового министерства, с проектом?— сказала ровным, нарочито спокойным голосом Оля.

— Это всё так... Поеду, но скоро ли, не знаю... Ах, Ольга Викторовна... Я всё забываю спросить: как здравствуют ваши садочки, как попрыгивает ваш конёк-горбунок?

— Растут садочки, мы ими довольны. А конёк ныне отдыхает... Как и его хозяйка.

— Мне бы хотелось посмотреть садочки.

— Что ж, можно и посмотреть! Пойдёмте, Константин Ильич...

Шубин и Оля скрылись за углом главной улицы посёлка. Впереди стоял зелёный холм, и, не сговариваясь, они пошли к нему напрямик, через ершистые ряды сеянцев акации и гледичии. Здесь протекал небольшой ручеёк, вода в нём была плохая, горько-солёная, и вдоль его кромки, как и по дну, росли причудливо окрашенные ржаво-красные травы.

Мостика не было, Шубин хотел было помочь Оле перейти ручей, но девушка разбежалась и ловко перепрыгнула через довольно широкую промоину. За ней перемахнул на другой берег и Шубин.

— Подъезд к парку и летнему театру, как вам известно, будет вон там. Но, пожалуй, и здесь, с боковой улицы надо проложить дорожку, построить мостик. Удобнее будет для людей, — сказал Шубин.

— Что, на опыте познали эту истину, Константин Ильич? — добродушно, будто бы мимоходом съязвила Оля.

— Да, Олечка... Прошу извинить за вольность обращения! Не разрешите ли так вас звать? Да? Ну спасибо... Оля. Хорошее, приятное имя... Вы верно подметили. В какой уже раз познал азбучную истину: практика с теорией неразлучны!.. Ну вот мы и пришли к нашему театру. Может быть, пойдём дальше?

И они пошли по той же крутой дорожке, которой месяц назад Оля поднималась на край обрыва вместе с Токаревым. Вот и заросли шиповника. Здесь всё было в цвету. Обе

расы дикой розы — белая и розовая — цвели одновременно, цветение белой затянулось, более поздняя розовая с ней сравнялась. Шубин срезал ветку дикого шиповника, посмотрел на неё, вздохнул и подал Оле.

— Хорошо сегодня в моём саду,— сказала Оля.— Вот на эти кусты мы привили крымскую розу. Оттуда взяли много черенков для центрального сквера. Над тем, вон, маленьким кустиком колдует Маня. Видите, даже ярлычок повесила. Из шиповника она хочет сделать чудную бархатистую, тёмнопунцовую розу. Привой из Ставрополя привезла... И когда меня здесь не будет, всё-таки помните, Константин Ильич, что это Олин сад...

— Как это вас не будет?

— Учиться собираюсь, Константин Ильич!

— Бросить совхоз, где столько сделано вашими руками?

— Да, здесь мне всё... родное. Я ведь родилась в этом посёлке. Вон там, где теперь универмаг построили, стояла наша саманная хатка под камышовой кровлей... Только семь лет прожила с отцом. Он был комбайнером, дружил с Нефёдовым... Ох, мой батя погиб на фронте, в первый год войны... И вся-то моя жизнь здесь прошла. Мне, знаете, так и не пришлось побывать где-нибудь дальше Ставрополя.

— О, ещё успеете, Оля. Не в этом главное... Знаете ли вы, Оля, что я решил поработать два-три года в вашем совхозе?

— Вы отказываетесь от Москвы?

— Нет, не совсем. Мой расчёт такой: в роли инженера-строителя хозяйства, где каждый год выполняется многомиллионная строительная программа, я получу отменную практику. Очень это пригодится для дальнейшей работы архитектора-планировщика сельского строительства. Изучу на собственном опыте все особенности дела, вот тогда можно будет и снова в Москву.

— Мне кажется, вы решаете правильно, — тихо сказала Оля.

— Подумайте, пять солидных зданий построено за какие-нибудь полгода по моим проектам. Я удивляюсь, как я и многие товарищи по институту могли стремиться остаться в Москве. Именно здесь и в проектных мастерских краёв и областей наше место — место молодых зодчих и инженеров... Но все эти дела от вас далеки?

— Нет, Константин Ильич, я хорошо вас понимаю.

— у вас ясная голова, уж в этом-то пришлось не раз убедиться. И работа у вас увлекательная. Я вот в эту весну впервые увидел и полюбил цветы шиповника, — Шубин взял с колен девушки ветку и понюхал крупные, напитанные вечерней свежестью цветы. — Что я вам ещё скажу, Оленька... Эти цветы как будто держат меня здесь, в совхозе. Потому что в мою жизнь вошла одна девушка... » — Зоя Днепрова?

— О, нет... Ну зачем вы её сейчас помянули! Нет, моя девушка такая, каких я ещё никогда не встречал. Она сильная и в то же время нежная девушка-садовница.

Порывистым движением Шубин протянул к Ольге руки. Но она схватила их, готовые её обнять, своими маленькими смуглыми руками, крепко их сжала.

— Не надо, Костя! Послушайте лучше, что я вам скажу. Да хорошенько слушайте, и вы тоже поймёте.

Шубин медленно разжал пальцы, но Оля не отняла своей руки и тихо поглаживала другой ладонью большую руку Шубина.

— Я всё-таки уеду, Костя. За месяцы знакомства с вами я сама себя перебрала по косточкам. И убедилась в том, что очень мало стою... Рядом с вами. Ну, что я знаю? Семилетка, годичные курсы, бригадир садоводов... А дальше что? Я учусь в комсомольском кружке и на агрокурсах, много читаю. Сама, как умею, помогаю девчатам овладеть специальностью. Иду этим путём. Но есть ведь и более прямой и короткий путь к знаниям... Принесу ли я пользу государству, совхозу, если уеду? Да, родному совхозу. Сюда-то я обязательно вернусь... Правильно ли сделаю, если поеду сейчас учиться? Я уверена, что поступлю правильно... И медлить нельзя. Там, в городе,

за два летних месяца, я подготовлюсь к экзаменам... Костя, как мне надо спешить! Я страстно хочу сравняться с вами! Пусть вы даже меня забудете.

— Так... Если о себе только, то вы рассудили верно. Ну, а теперь, когда я открыл перед вами свою душу? Нет, я не хочу, не могу вас потерять...

Оля не ответила. Она теребила ветку шиповника, отломала от неё верхушку с пучком самых крупных цветов и приколола розовый пучок к груди. Потом вдруг подошла к понурившемуся Шубину, вскинула руки ему на плечи и поцеловала его. И не успел он опомниться, как девушка отпрянула и побежала вниз так быстро, что её белое платье сразу же перестало мелькать среди тёмных кустов.